

ВЯТСКИЙ КРАЙ В ГУБЕРНСКИХ ПАМЯТНЫХ КНИЖКАХ XXI ВЕКА

Д.Э. Левин,

Российская национальная библиотека

Предметом обзора является уникальный опыт кировчан, возродивших в условиях XXI века традиционный для губерний и областей Российской империи тип издания губернской памятной книжки¹. Не будем в подробностях останавливаться на особенностях памятных книжек и календарей Вятской губернии: сведения об этом содержатся в целом ряде публикаций². Первый опыт нового издания получил отражение в нашей рецензии³. Если подвести им итог, то приходишь к выводу, что подобно аналогам из других губерний, вятские памятные книжки были сборниками справочных сведений и научных текстов, предназначенных как для управления губернией, так и для чтения местных жителей. Вместе с тем они пользовались известностью и за пределами губернии, что объясняется высоким научным уровнем, продолжительностью и ритмичностью издания.

Современный кировский аналог губернских памятных книжек адресован «широкому кругу читателей» [ПККО (памятная книжка Кировской области) на 2005 г. С. 4], то есть является научно-популярным и справочным изданием. Это и понятно на фоне значительного роста, по сравнению с временами Российской империи, числа научных изданий о Вятском крае, среди которых многочисленные публикации Кировстата; списки помещены в разделе «справочные сведения» рецензируемого издания (ПККО на 2005 г. С. 277-281; ПККО на 2006 г. С. 439-445; ПККО на 2007 г. С. 445-455).

Если судить по динамике тиражей, то следует признать, что ПККО пока не завоевала популярности среди читателей: ее тираж на 2004 и 2005 гг. составил 1000 экз., после

чего началось сокращение: в 2006 г. - до 500, а в 2007 г. - до 350 экземпляров. Была сделана попытка выяснить существо претензий к изданию по подборке «Отзывы на "Памятную книжку Кировской области и календарь"», напечатанной в приложении к ПККО на 2006 г. (с. 456-458), но все они оказались положительными. Почти все отзывы - руководители территориальных органов государственной статистики. Из этого следует, что кировчане продолжают сложившуюся еще в середине XIX века традицию обмена изданиями губернских и областных статкомитетов, среди которых заметное место занимали памятные книжки.

Примечательно, что при высокой оценке опыта кировчан, только руководитель Омскстата А.А. Агеенко выразил желание его перенять (с. 457). Другие авторы указали на препятствия, коренящиеся в местных условиях, причем ни одно из них неубедительно. По словам зам. руководителя Смоленскстата Б.М. Черномаза, «Смоленский комитет памятные книги не выпускает, так как смоленский архив был утрачен во время Великой Отечественной войны» (с. 458). Здесь, очевидно, имеется в виду часть документов, похищенная нацистами из Партархива Смоленского обкома ВКП(б) и возвращенная Институтом Гувера (США) в декабре 2002 г.⁴. Помимо этих дел, исследователям и публикаторам доступно более миллиона документов Государственного архива Смоленской области⁵ и других архивов Смоленщины⁶, в том числе богатый фонд губернского статистического комитета (Ф. 5), содержащий и документы по истории издания памятных книжек.

¹ Памятная книжка Кировской области и календарь на... / изд. Территор. органа Федерал. службы гос. статистики по Кировской обл. Киров (Вятка).

...2004 год: 1-й (50-й) год издания. 2003. 287, XVI с.: ил.

...2005 год: 2-й (51-й) год издания. 2005. 287, XVI с.: ил.

...2006 год: 3-й (52-й) год издания. 2006. 462 с.: ил.

...2007 год: 4-й (53-й) год издания. 2007. 463 с.: ил. + [1] л. карты.

² См.: Указатель статей, помещенных в Вятском календаре (памятной книжке Вятской губернии за 25 лет его издания) (1880-1904 гг.) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1904 год. Вятка, 1903. С. I-XXXVI 1-й паг.; [Зеленин Д.К.] Двадцатипятилетие Памятных книжек Вятской губернии // Этногр. обозрение. 1904. № 4. С. 214-216. Подп.: Д. З-нин; Бердинских В.А. Русская провинциальная историография второй половины девятнадцатого века. М.: Киров, 1995; Левин Д.Э. Памятные книжки губерний и областей Российской империи в системе культуры: опыт исследования // RS: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 2000. № 2. С. 227-301; Бердинских В.А. Уездные историки. Русская провинциальная историография. М., 2003; Марков А.А. Из истории «Памятных книжек Вятской губернии» // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2004 год. Киров, 2003. С. 184-186; Марков А.А. Памятные книжки Вятской губернии // Там же. С. 187-192; Балацкая Н.М., Раздорский А.И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1833-1917): свод. кат.-репертуар. СПб., 2008 (в печати).

³ См.: Балацкая Н.М., Левин Д.Э. Возрождение памятных книжек // Герценка: вятские записки. Киров, 2004. Вып. 6. С. 184-198; [То же]: Возвращение доброй традиции // Клио. 2005. № 1. С. 248-253.

⁴ См.: Возвращение смоленского архива. М., 2005; Петровский Н.В. По следам утраченных шедевров. М., 2007. С. 289.

⁵ См.: Каталог архивных фондов Госархива Смоленской области и его филиала в г. Вязьма: (досовет. период). Смоленск, 1987; [То же]: (совет. период). Смоленск, 1987; Государственные архивы СССР: справ. Ч. 1. М., 1989. С. 399-402.

⁶ Часть документальных публикаций из смоленских архивов учтена в изд.: Открытый архив-2. Справочник сборников документов, вышедших в свет в отечественных издательствах в 1917-2000 гг. / авт.-сост. И.А. Кондакова. М., 2005.

Не более основательны и аргументы руководителя Пензенского облкомстата С.А. Шмелева: «К сожалению, ресурсы Пензенского облкомстата ограничены и не позволяют осуществить выпуск подобного издания о Пензенской области в ближайшее время» (с. 459). Здесь уместно напомнить о выпущенной в рамках программы Министерства культуры Пензенской области «От культуры края - к культуре мира», одной из лучших в России «Пензенской энциклопедии» (М., 2001), которая свидетельствует о высоком интеллектуальном уровне пензенского краеведения и об отсутствии непреодолимых препятствий в его издательской деятельности. В нашу задачу не входит составление подробного перечня источников финансирования подобных изданий, однако напомним, что государственный бюджет Российской империи никогда не предусматривал штатных расходов на издание губернских памятных книжек; почти неизвестны и случаи целевых субсидий на эти цели от органов местного самоуправления - губернских земств. Расходы по изданию частично (иногда почти полностью) покрывала плата за рекламные объявления⁷, в начале 1860-х годов необходимые средства поступали после обращений губернаторов (как председателей статкомитетов) за финансовой поддержкой к состоятельным лицам. Однако главным источником всегда была выручка от реализации тиража жизнеспособных (то есть вызывающих читательский интерес) изданий, к которым относилось большинство памятных книжек Вятской губернии⁸. Приведем пример: расходы по изданию ПКВГ (памятная книжка Вятской губернии) на 1906 г. тиражом 1000 экземпляров (786 руб. 50 к.) были почти полностью покрыты за счет рекламодателей (679 руб. 16 к.); доход от ее продажи только в первый год составил 804 руб. 51 к.)⁹.

И далее: «До настоящего момента в Пензенском облкомстате не сохранилось ни одного экземпляра аналогичного издания, датированного концом XIX - началом XX века» (Там же. С. 459). Со всеми сохранившимися изданиями пензенских памятных книжек можно ознакомиться в Госархиве Пензенской области, областном краеведческом музее и Пензенской областной библиотеке¹⁰. Кроме того, самой полной в мире коллекцией губернских памятных книжек располагает Российская национальная библиотека, и любой желающий может получить копии этих изданий в удобной для него форме.

Руководитель Новосибирскстата А.А. Кисельников пишет: «...Мы подобных изданий не имеем. Отчасти потому, что Новосибирск - молодой город. Новосибирской области всего 65 лет, и мы никогда не были губернией» (с. 458)¹¹. Молодость губернии или области в Российской империи никогда не была препятствием к изданию памятных книжек: памятная книжка Калишской губернии на 1870 г. была издана через четыре года после учреждения губернии, Черноморской губернии на 1899 г. - через три года; Квантунской области на 1900 г. и Холмской губернии на 1914 г. - через два года.

Таким образом, мы не видим сколько-нибудь серьез-

ных препятствий к широкому распространению кировского опыта издания областных памятных книжек. Другое дело, что далеко не все современные руководители территориальных органов государственной статистики, судя по вышесказанному, знакомы с историей и особенностями губернских памятных книжек и пока неясно представляют себе структуру и возможности аналогичных изданий в изменившихся условиях.

Если говорить о стабильной структуре ПККО, то она во многом аналогична губернским прототипам и представлена отделами «Календари религиозных праздников», «Власть», «Статистика», «Обзоры», «История», «Хроника событий», «Календарь знаменательных и памятных дат» и «Справочные сведения».

Отрадно заметить рост числа конфессий, представленных в разделе «Календари церковных праздников». Если в ПККО на 2004 и 2005 гг. были опубликованы только «Краткий календарь православных праздников, памятных дат Вятской епархии, а также престольных праздников церквей г. Вятки (Кирова)» и «Календарь праздничных дней для мусульман», то в изданиях на 2006 и 2007 гг. к ним прибавились «Основные католические праздники», «Краткий православный старообрядческий календарь церковных праздников и памятных дат», «Календарь праздников армянской апостольской церкви» и «Еврейский календарь». Календари почти всех перечисленных конфессий представлены и в памятных книжках царского времени; исключение составляют только старообрядцы, календари которых в губернских памятных книжках не печатались даже в период максимальной терпимости к староверам после событий 1905 г. Ни у иудеев, ни у мусульман, ни у католиков нет календарных дат памяти мучеников, убитых сторонниками патриаршей (впоследствии синодальной) церкви, а поэтому публикация их календарей в памятных книжках царского времени была приемлема с идеологической точки зрения и необходима в целях управления: администрации нужны были сведения о нерабочих днях. Что же касается актуальности их в памятных книжках XXI века, то мы полностью разделяем мнение руководителя Центра татарской культуры Кировской области домулло К.А. Ахатова, который в отзыве на ПККО писал: «Предоставление места... другим конфессиям - положительное явление, так как это окажет содействие формированию объективного представления друг о друге» (ПККО на 2006 г. С. 459). Здесь, очевидно, имеется в виду составленный им аннотированный «Календарь праздничных дней для мусульман. 2005 год (1425-1426 годы по Хиджре)», опубликованный в ПККО на 2005 г. (с. 12). Мы хотели бы подтвердить это мнение цитатой из мусульманского календаря на 2006 г. (1426-1427 годы хиджры): «Февраль 9-10-й Мухаррам - день Ашура - день поминовения пророков и посланников Аллаха. “Когда пророк [Мохаммед] <...>, прибывший в Медину, увидел, что иудеи постятся в день Ашура, он спросил (их): “Что это?”. Они ответили: “Это благой день, тот день, когда Аллах спас сынов Исраиля от их врага, и (поэтому) Муса

⁷ См.: Отчет о деятельности и занятиях Вятского губернского статистического комитета за 1905 год. Вятка, 1906. С. 6.

⁸ См.: Левин Д.Э. Памятные книжки... С. 251-252.

⁹ См.: Отчет о деятельности и занятиях Вятского губернского статистического комитета за 1905 год. Вятка, 1906. С. 6.

¹⁰ См.: Балацкая Н.М., Раздорский А.И. Памятные книжки...

¹¹ Это ошибка: Новосибирской области исполнилось 65 лет в 2002 г. В 1921-1925 гг. город был центром Новониколаевской губернии, в 1925-1930 гг. - Сибирского, а с 1930 г. - Западно-Сибирского края.

стал соблюдать пост в этот день». На это он сказал: «Я имею больше прав на Мусу, чем вы!» - после чего стал соблюдать пост в этот день сам и велел делать это всем остальным (Сахих-аль-Бухари.-Г. I, Хазис 902)» (ПККО на 2006 г. С. 9). Отсюда видна мера уважения общины Дар-уль-ислам к пророку, явившему Десятисловие, одинаково почитаемое иудеями, христианами и мусульманами.

Содержание раздела «Власть» за годы издания ПККО претерпело радикальные изменения: если в издании ПККО на 2004 г. оно представлено только перечнем должностных лиц, подобным дореволюционным адрес-календарям (с. 16-40), то в последующих изданиях - биографическими сведениями о тех из них, кто занимает наиболее высокое служебное положение. Причины отхода от модели издания губернских памятных книжек, почти всегда включавших адрес-календари местных чиновников, абсолютно прозрачны. Первая - объем работы, связанный со значительным ростом числа лиц, состоящих на государственной службе: в 2005 г. лица, занятые в «государственном управлении и обеспечении военной безопасности, обязательном социальном обеспечении», составляли около 35 тыс. человек (ПККО на 2007 г. С. 177). Вторая причина: адрес-календари обычно не привлекали внимания широких кругов читателей и использовались для устаревших в наши времена форм обращения в деловой переписке, предусматривавших знание не только должности, но и титула, чина, сословной принадлежности адресата. Характерно, что еще в 1870 г., на 1-м статистическом съезде, большинство секретарей статкомитетов высказывались против обновления статистиков несвойственной им работой по сбору адрес-календарных сведений¹²; в настоящее же время, когда издаются «Желтые страницы», необходимость публикации областных адрес-календарей в составе памятных книжек более чем сомнительна, а поэтому переход на публикацию в разделе «Власть» биографических сведений о чиновниках, вызывающих, в силу служебного положения, наибольший интерес, вполне закономерен.

В отличие от прежних адрес-календарей, номенклатура лиц, биографии которых включены в раздел «Власть» ПККО 2005-2007 гг., непостоянна: в ПККО на 2005 г. (с. 14-20) это представители и депутаты Государственной думы от Кировской области, главы районов, избранных в 1-м полугодии 2004 г.; в ПККО на 2006 г. (с. 30-108) - главный федеральный инспектор по Кировской области аппарата полпреда Президента РФ в Приволжском федеральном округе, представители от области в Совете Федерации и Государственной думе, руководители территориальных подразделений федеральных органов, члены правительства Кировской области, депутаты законодательного собрания 3-го созыва, главы муниципальных образований, администраций районов и городов и председатели представительных органов муниципальных образований; в ПККО на 2007 г. (с. 30-107) - депутаты законодательного собрания 4-го созыва, главы муниципальных образований, администраций районов и городов и председатели представительного органа муниципального образования.

Примечательно, что в составе политической элиты почти нет лиц без высшего образования, зато встречаются кандидаты и доктора наук, то есть уровень ее образования гораздо выше, чем во времена Российской империи. Что же касается ее состава по полу, то он почти не изменился: несмотря на явное преобладание женщин в населении (53%)¹³, в кировской политической элите они представлены единицами. Это наводит на грустные размышления о живучести антидемократических традиций в России.

Модель словарной статьи характерна для справочника типа Who is who, почти не имевшего аналогов в царской России, но получившего широкое распространение в 1990-х - 2000-х годах. К сожалению, в ПККО отсутствуют обязательные в подобных случаях адресные сведения. Полагаем, что модель отдела «Власть» в ПККО сохранит жизнеспособность вплоть до начала издания справочника «Кто есть кто в Кировской области»; в него надо добавить сведения о руководителях судебных и милицейских органов и военных комиссариатов. Была бы интересна и публикация подобных сведений о деятелях экономики и культуры - в «Справочном отделе». Здесь, правда, трудно найти объективные критерии отбора. И в числе допустимых нам представляются: применительно к руководителям и собственникам предприятий - сумма налоговых платежей, а для деятелей культуры - факт награждения и присвоения почетных званий в истекшем году.

Сейчас трудно судить об оптимальном составе отдела «Власть» в будущих изданиях памятных книжек. Думается, его желательно открывать обращением губернатора, содержащим официальную трактовку основных проблем региона и способов их решения. В него следовало бы включить статьи об особенностях политической жизни региона и наиболее важные местные законодательные акты. Некоторые из подобных материалов опубликованы в ПККО, но в иных отделах: в отделе «Обзоры» - статья Ф.А. Урванцева «Обзор прошедших выборов в 2003 и 2004 гг.» (ПККО на 2005 г. С. 152-162), в «Справочном отделе» - «Закон Кировской области об установлении границ муниципальных образований Кировской области и наделении их статусом муниципального района, городского округа, городского поселения, сельского поселения» (ПККО на 2006 г. С. 412-435).

В основе отдела «Статистика» лежит богатейшая информация, которой располагает Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области. Поскольку этим органом с 2001 г. руководит бессменный председатель редколлегии ПККО Н.И. Зорин, приведем несколько биографических фактов. Николай Иванович Зорин родился в 1955 г. в д. Шихово Сунского района Кировской области. В 1982 г. окончил Кировский сельхозинститут по специальности «Агрономия», в 1995 г. - Вятскую сельхозакадемию по специальности «Экономика и управление сельскохозяйственным производством». Статистическое образование, полученное в МЭСИ, он дополнил во время стажировок в Европейском институте статистики (Люксембург) и Боннской академии (ПККО на 2006 г. С. 38-39).

¹² Подробнее см.: Левин Д.Э. Памятные книжки губерний и областей в системе книжной культуры дореволюционной России // Памятные книжки губерний и областей Российской империи: указ. содерж. Т. 1. СПб., 2002. С. 35.

¹³ Рассчитано по таблице «Численность населения области по полу (по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года, человек)» (ПККО на 2005 г. С. 42).

Подобно старинным памятным книжкам, статистический отдел ПККО включает широкий спектр тем, касающихся демографии и народного хозяйства. Но есть и отличия: для него характерны более высокий уровень гласности при фиксации «скользких» сюжетов, популярная форма изложения сухой статистики через комментарии и интерес к условиям жизни простых тружеников. Отметим также, что ряд позиций показан в сравнении с соседними регионами, что не было характерно для губернских ПК. Все эти особенности способны привлечь внимание широких кругов читателей, а поэтому отдел «Статистика» производит гораздо более благоприятное впечатление, чем многие из реалий Кировской области, отраженных в официальной статистике. Начнем с близких Зорину по одной из его специальностей аграрных сюжетов.

По состоянию на 1 января 2004 г., в области насчитывалось 4550 сельских населенных пунктов (ПККО на 2005 г. С. 36). К 1 января 2006 г. их число сократилось до 4388, из которых 733 (17%) существовали только на бумаге, так как в них не было населения (ПККО на 2007 г. С. 132). В отдельных районах удельный вес сельских «поселений без населения» еще выше: в Арбажском - 31%, Верхошижемском - 31,5, в Опаринском - 26, в Орловском - 36, в Шабалинском - 27% (Там же. С. 132-133). Эти цифры иллюстрируют процесс опустынивания культурного ландшафта Вятского края, который подтверждается и сопоставлением численности сельского населения, сократившегося с 413 тыс. в начале 2004 г. до 409 тыс. в 2006 г. (ПККО на 2005 г. С. 38; ПККО на 2007 г. С. 134). Характерно, что несмотря на это обстоятельство, удельный вес сельских жителей вырос с 27,9 до 28,4%: горожане уменьшаются в числе еще быстрее.

К сожалению, в ПККО нет сведений о национальном составе сельских жителей: опубликована таблица «Национальный состав населения (по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года, человек)» (ПККО на 2005 г. С. 46), но без распределения на город и село. По иным источникам видно, что большинство из 424,5 тыс. сельских жителей (в 1970 г. - 782,6 тыс.) составляли русские - 360,1 тыс. (против 687,2 тыс. в 1970 г.), за ними следовали марийцы - 29,3 тыс. (против 45,9 тыс.), татары - 12,8 тыс. (против 22,3 тыс.), удмурты - 8,8 тыс. (против 15,4 тыс.) и украинцы - 3,1 тыс. (против 5,4 тыс.)¹⁴. Из этого сопоставления видны темпы депопуляции вятской деревни, о чем в ПККО сведений нет. Попутно заметим, что статистические обзоры за продолжительные интервалы времени были вполне традиционны для губернских памятных книжек.

Процесс депопуляции сельского населения происходит и в развитых странах, но там он компенсируется ростом производительности труда. В Кировской же области объем валовой продукции сельского хозяйства сократился в 2005 г. по сравнению с 1990 г. на 38% за счет животноводства (на 60%), что в малой степени компенсировалось ростом производства продукции растениеводства (на 6%). Впрочем, и в растениеводстве есть проблемы: крайне низкая урожайность зерновых (в 2004 г. - 12,6, в 2005 г. - 13,6 ц/га) при падении площади посевов по сравнению с 1990 г. в 2,4 раза позволила произвести в 2005 г. только 457 кг зер-

на на душу населения, что значительно ниже нормы 1000 кг, установленной ООН (ПККО на 2007 г. С. 116, 148). В числе причин низкой урожайности - сокращение удобренной площади: если в 1990 г. были удобрены 92% посевов, то в 2005 г. - только 29%, причем количество внесенных минеральных удобрений сократилось в 7,6 раза, а органических - в 3,5 раза (ПККО на 2007 г. С. 117). К этому добавим, что производство минеральных удобрений в области, составившее в 1990 г. 768 тыс. т, а в 2003 г. - 651 тыс. т, к 2005 г. упало до 497 тыс. т (ПККО на 2005 г. С. 51; ПККО на 2007 г. С. 146).

Об обеспеченности Кировской области продовольствием за счет местных ресурсов в сравнении с 13-ю соседними индикаторы областей и республик Приволжского федерального округа в 2004 году» (ПККО на 2006 г. С. 123). По производству зерна на душу населения область занимала 9-е место, значительно уступая Саратовской (1485 кг на душу населения), Оренбургской (1030) областям и Татарстану (1010). Разница отчасти объясняется естественным плодородием почвы. Его недостаток в развитых странах компенсируется удобрением, чего, как мы видели, в Кировской области не происходит.

Назовем другие показатели. Производство сельскохозяйственной продукции на душу населения в Кировской области в 2005 г. измерялось суммой в 13,5 тыс. рублей; по этому показателю область находилась на шестом месте в регионе, значительно уступая Мордовии (18,7 тыс. рублей) и Татарстану (18,1 тыс. рублей) (ПККО на 2007 г. С. 125). Может быть, здесь дело в дороговизне, но судить об этом по статистическим публикациям в ПККО нельзя ввиду отсутствия сопоставительных таблиц по Приволжскому федеральному округу. Попутно заметим, что в этом издании нет данных о выработке на одного работника.

В этой же таблице есть сведения о производстве продуктов животноводства. По убойному весу скота и птицы на душу населения (45,9 кг) Кировская область занимала 10-е место, значительно уступая лидеру - Мордовии (73,3 кг); по надою молока (414,1 кг) - третье, здесь лидировал Башкортостан (511,8 кг); по производству яиц (363 шт.) - пятое, что гораздо меньше, чем в Мордовии (564 шт.).

Выше говорилось о некотором увеличении с 1990 г. производства продуктов растениеводства (по большей части, картофеля и овощей), однако этот прирост объясняется отнюдь не усилиями колхозов, совхозов или фермеров: «более половины объема растениеводческой продукции выращено в личных подсобных хозяйствах населения, в садах и огородах горожан» (ПККО на 2007 г. С. 116). Жаль, что в ПККО нет сведений о товарности продукции подсобных хозяйств, предназначенных, очевидно, для питания тех вятчан, у которых нет возможности купить нужные продукты.

Разумеется, кировская областная статистика фиксирует и положительные сдвиги: судя по таблице «Продуктивность скота и птицы (в сельскохозяйственных организациях)» (ПККО на 2007 г. С. 148), за 2005 г. надой молока от одной коровы вырос с 3,5 до 3,8 т; «продукция выращива-

¹⁴ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 1970 года. Т. 4. Национальный состав населения СССР, союзных республик, краев, областей и национальных округов. М., 1973. С. 94; Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4, кн. 1. М., 2004. С. 491-495.

ния крупного рогатого скота в расчете на одну голову» - со 111 до 116 кг; свиней - с 91 до 102 кг, средняя яйценоскость курицы-несушки - с 285 до 304 шт. Вместе с тем к росту производства привел только последний показатель (с 497 млн. шт. в 2004 г. до 527 млн. в 2005 г.). Производство скота и птицы на убой в живом весе сократилось за те же годы со 115 до 108 тыс. т, надой молока - с 617 до 601 тыс. т. Это находит объяснение в сокращении поголовья скота (Там же).

Отдаленное представление об условиях жизни труженников села дает состояние телефонной сети: в 2005 г. на 1000 горожан приходилось 269 квартирных телефонов, в то время как на селе - 91. Проблема устойчивой телефонной связи, в которой нуждаются все - от преуспевающего бизнесмена до старушки, доживающей свой век в заброшенной деревне, сейчас успешно решается посредством сотовой связи: с 2003 по начало 2006 г. количество ее абонентов выросло в шесть раз и привело к тому, что около 900 тыс. кировчан (то есть более половины) пользовались сотовыми телефонами (ПККО на 2007 г. С. 119). Жаль, что в этом издании нет сведений о распределении владельцев сотовых телефонов между городом и селом, но очевидно, что если не изменится ситуация, то в число абонентов не войдут 27,2% кировчан, живущих за чертой бедности: по этому показателю Кировская область входит в первую пятерку региона, состоящего из 14 субъектов Федерации (ПККО на 2007 г. С. 127). Прямых сведений о распределении бедных между городом и селом в ПККО нет, но есть косвенные. В соответствии с Концепцией экономической безопасности в России минимальный денежный доход должен превышать прожиточный минимум в 2,5 раза (ПККО на 2007 г. С. 113). Этот показатель в пределах региона в 2005 г. был превзойден в Пермском крае (2,8), Татарстане (2,9), Башкортостане (2,9) и Самарской области (3,0). В Кировской же области этот коэффициент составлял 1,7, и по этому показателю область делит с Чувашией 11-е - 12-е места в регионе (ПККО на 2007 г. С. 127). Разумеется, коэффициент 1,7 - это «средняя температура по больнице», и доходы целого ряда категорий кировчан вполне соответствуют интересам экономической безопасности России: у занятых в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды он составил 2,6; в химическом производстве - 2,7; в сфере научных исследований и разработок - 2,8; в производстве резиновых и пластмассовых изделий и на сухопутном транспорте - 2,9; в сфере государственного управления, военной безопасности и соцобеспечения - 3,2 (против 2,9 в предыдущем году); в финансовой сфере - 4,4. Доходы же занятых в «сельском хозяйстве, охоте и предоставлении услуг в этой области», составлявшие в 2004 г. 98,3% от прожиточного минимума, в 2005 г. возросли до 100,9%. Если исключить пенсионеров, то хуже крестьян в Кировской области в это время жили только текстильщики и швейники, чей доход в 2004 г. составил 83,9%, а в 2005 г. - 93,1% прожиточного минимума (ПККО на 2007 г. С. 189-190).

К сожалению, в ПККО нет сведений о размерах пенсий ветеранов сельского хозяйства, но его нетрудно себе представить: если средняя зарплата в этой отрасли, близкая к прожиточному минимуму, в 2005 г. составляла 2930 рублей (ПККО на 2007 г. С. 187), то средняя пенсия, по-видимому близкая к 40% среднего заработка в отрасли, - около 1300 рублей (ПККО на 2007 г. С. 113); размер же прожи-

точного минимума для пенсионеров составлял 2043 рубля (Там же. С. 181). В этой связи понятно, почему на «хозяйства населения» падает 48% стоимости сельскохозяйственной продукции области (Там же. С. 147): для многих кировчан (прежде всего сельских жителей) труд на своем огороде - не хобби, а жизненная необходимость.

Не будем говорить о социальной опасности расслоения общества на группы, где бедность и богатство передаются по наследству, хотя статистика Кировской области и дает для этого основания: в 2005 г. доходы 10% обездоленных кировчан в 8,4 раза уступали доходам 10% их наиболее удачливых земляков. К чему это может привести - хорошо видно по содержанию юбилейных статей к событиям 1905 и 1917 гг., помещенных в рецензируемых изданиях. Здесь же ограничимся сведениями о существенной разнице в уровне жизни жителей города и деревни в том виде, как они показаны в таблице «Наличие бытовой техники, теле-, радиоаппаратуры и транспортных средств в домашних хозяйствах на 100 домохозяйств» (ПККО на 2005 г. С. 99-100). Судя по этой таблице, как в городе, так и на селе во всех домохозяйствах были телевизоры, холодильники и стиральные машины, но на этом сходство кончается. Если в городе в 2003 г. на 100 домохозяйств приходилось 32 автомобиля, то на селе - 17. К сожалению, в ПККО нет сведений о насыщенности области и ее районов дорогами с твердым покрытием, а поэтому приходится догадываться, что дело здесь и в бездорожье, но то же соотношение видно и по другим показателям. На 100 городских домохозяйств приходилось 63 радиоприемника, а в деревне - 32, видеомагнитофонов и видеокамер - 37 и 20, магнитофонов и плееров - 63 и 52, музыкальных центров - 16 и 2, электропылесосов - 87 и 56, швейных или вязальных машин - 90 и 69, компьютеров - 9 и 1 соответственно.

Завершая обзор отдела «Статистика», ограниченный, ввиду большого объема этого отдела, только кругом сюжетов, относящихся к сельской жизни, хотелось бы увидеть в ПККО статью (лучше несколько), освещающую роль принудительной коллективизации, сталинского террора, военного лихолетья и волонтаристских реформ второй половины XX века в раскрестьянии Вятского края.

Отдел «Обзоры» в каждом из рецензируемых изданий открывается описанием особенностей годового цикла природных изменений: «Гидрометеорологические особенности. 2003 год» (ПККО на 2005 г. С. 133-137; ПККО на 2006 г. С. 236-240) и «Климатические особенности 2005 года» (ПККО на 2007 г. С. 224-228). Постоянный автор этих обзоров, д-р геогр. наук, профессор и академик М.О. Френкель, с 1961 г. занимается гидрометеорологическими наблюдениями в бассейне Верхней Волги, а с 1973 г. руководит Кировским областным центром по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. С 2006 г. его соавторами стали сотрудники того же центра - агрометеоролог Н.И. Бояршинова и гидролог В.В. Сенникова. В этой связи напомним, что природные изменения отражались в губернских памятных книжках с начала их издания. Если же говорить о Вятской губернии, то здесь эта традиция открывается таблицами «Вскрытие и замерзание реки Вятки в городе Вятке с 1800 по 1857 год» (ПКВГ на 1857 год. Вятка. 1857. С. 294-295) и «Метеорологические наблюдения в Вятке за 1856 год» (Там же. С. 296). Подобные материалы готовились к печати образованными людьми -

педагогами средних учебных заведений, и они могут быть использованы для статьи о динамике природных изменений в Вятском крае за все время наблюдений. Несомненно, она бы привлекла внимание тех читателей ПККО, которых интересует мера обоснованности концепции глобального потепления, представленная местным материалом.

Другие аспекты среды обитания кировчан описаны в подготовленном Главным управлением природных ресурсов и охраны окружающей среды Министерства природных ресурсов по Кировской области обзоре «Информация о состоянии природных ресурсов и охране окружающей среды Кировской области в 2003 году» (ПККО на 2005 г. С. 138-147). Он включает сведения о состоянии атмосферного воздуха, поверхностных вод, недр и минерально-сырьевых ресурсов, лесных ресурсов (обеспечивающие профильную для области деревообрабатывающую промышленность); об охраняемых природных территориях и отходах производства и потребления. Все это вызывает живой интерес, однако есть одна неясность. Судя по обзору, Кирово-Чепецкий химкомбинат в 2003 г. входил в число предприятий, которые в связи с ростом объема производства увеличили выброс загрязняющих веществ в атмосферу, то есть его «вклад» в общий годовой прирост по области - 2 тыс. т (общий объем в 2003 г. - 129 тыс. т) (ПККО на 2005 г. С. 138). Вместе с тем комбинат активно занимался «модернизацией устаревшего оборудования, внедрением новых технологий, обеспечивающих снижение выбросов в атмосферу» (ПККО на 2005 г. С. 139). И действительно, это снижение - с 241 т / км² в 2002 г. до 233 в 2003 г. - зафиксировано на предыдущей странице. Вероятно, это повлияло на решение присудить Кирово-Чепецку первое место по области по итогам работы в 2003 г. (Там же. С. 128), несмотря на лидерство по загрязнению воздуха: по этому показателю он значительно опережает областной центр (33,7 т / км²). Средний же показатель по области - 1,07 т / км². Видимо, следовало бы указать, за счет каких факторов снизились выбросы в городе с самым грязным воздухом.

Тема обзора продолжена в статье д-ра техн. наук, зав. кафедрой химии Вятского государственного гуманитарного университета Т.Я. Ашихминой «Экологические проблемы региона и пути их решения» (ПККО на 2006 г. С. 244-258). Статья иллюстрирована двумя весьма информативными картами: «Расчетное поле рассеивания сернистого ангидрида в г.г. Кирове и Кирово-Чепецке» (с. 245) и «Территория зоны защитных мероприятий объекта хранения химического оружия "Марадьковский"» (с. 250); вторая из них напечатана со значительным уменьшением и с трудом читается. Обзор дополняет предыдущую публикацию фрагментом о состоянии почв, для которых характерно снижение плодородия, не компенсированное агротехникой (с. 252-254).

Чтение фрагмента, касающегося проблемы ликвидации запасов, хранящихся в арсеналах «Марадьковский» (Оричевский район) и «Кизнер» (Удмуртия, на границе Вятско-Полянского района) (с. 248-252), убеждает в серьезной опасности запрещенного Женевской конвенцией 1925 г. химического оружия для народа, который оно призвано защищать. Откуда оно взялось - здесь не сказано, но нельзя исключить, что в числе предметов, отравляющих жизнь вятчан, есть и ипритные снаряды, производство

которых было начато на Кирово-Чепецком химкомбинате в 1944 г. Впоследствии завод использовался для производства обогащенного урана, а в настоящее время там же производятся и фторсодержащие пластмассы (с. 247-248). Этот «крупнейший в Европе источник химических отходов» (с. 244) отравляет не только 87 тыс. жителей Кирово-Чепецка, но и живущих на территории той же агломерации обитателей Кирово-Чепецкого района (21 тыс.) и г. Кирова (490 тыс.) - это более 40% населения области (ПККО на 2007 г. С. 134-135). Надо полагать, что это обстоятельство влияет на рост «злокачественных» (онкологических) заболеваний: если в 2004 г. на 100 тыс. населения приходилось 1507 состоящих на учете больных, то в 2005 г. этот показатель вырос до 1558 (ПККО на 2007 г. С. 201). К сожалению, в ПККО нет таблиц распределения заболеваний по районам и городам. Нет этих сведений и в обзоре канд. мед. наук, руководителя департамента здравоохранения Кировской области Н.Г. Горохова «Здравоохранение Кировской области» (ПККО на 2006 г. С. 241-243), однако там сказано, что онкологические заболевания стали причиной каждой десятой смерти в области, уступая смертям от внешних причин (несчастных случаев, убийств, самоубийств) (18%) и болезней органов кровообращения (59%). Наметились некоторое сокращение смертности (в 2004 г. против предыдущего года - на 1,5 тыс. человек) и небольшой рост рождаемости (на 300 человек). Эти положительные явления, однако, не оказали существенного влияния на динамику численности населения, сократившегося за счет естественных причин на 13,7 тыс., а в результате миграции - еще на 4,7 тыс. Надеяться на лучшее позволяет существенное снижение уровня младенческой смертности, который достиг в 2004 г. самого низкого показателя за всю историю области - 12,6 на 1 тыс. новорожденных (Там же. С. 241). Из обзора, правда, неясно, существует ли в области проблема перинатальной смертности и какие меры принимаются для ее решения.

В обзоре заместителя начальника штаба УВД Кировской области А.А. Безденежных «Состояние преступности и основные результаты оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Кировской области за 2003 год» (ПККО на 2005 г. С. 148-151) содержатся тревожные цифры. За отчетный год, несмотря на сокращение численности населения, количество преступлений выросло на 27% (против 12,6% по Приволжскому федеральному округу и 9,1% по России). Количество убийств по области возросло на 16%, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью - на 21, изнасилований - на 27%. На 40% выросло число преступлений, совершенных несовершеннолетними, а их удельный вес в общем количестве преступлений повысился с 11 до 13,6% (с. 148-149). Число криминальных действий, связанных с незаконным оборотом наркотиков, выросло на 48,3% (с. 150). Хочется верить, что на эту статистику хотя бы отчасти повлияла мера полноты учета.

Внимание как современных читателей, так и будущих историков развития демократии в России привлечет обзор председателя избирательной комиссии Кировской области Ф.А. Урванцева «Обзор прошедших выборов в 2003 и 2004 гг.» (ПККО на 2005 г. С. 152-162), где нашла отражение статистика электоральных предпочтений при выборах депутатов Государственной думы 7 и 14 декабря 2003 г.,

губернатора - 7 и 21 декабря того же года и Президента РФ - 14 марта 2004 г. Судя по обзору, все эти выборы прошли в нормальной обстановке. Исключение составляет попытка команды кандидата на пост губернатора - председателя наблюдательного комитета ОАО «Кирово-Чепецкий химкомбинат» Г.Н. Брилинга подкупить избирателей, а после отмены его регистрации - сорвать выборы (с. 157-158).

Судя по публикации канд. экон. наук, генерального директора ОАО «Кировская региональная ипотечная корпорация» Е.В. Орешкович «Ипотека стала доступнее: отчет о результатах работы государственной ипотечной программы в Кировской области» (ПККО на 2006 г. С. 259-266), ипотечное кредитование жилищного строительства ведет как к смягчению остроты жилищной проблемы, так и к стабилизации расселения кировчан по уровню жилищных условий в зависимости от достатка. Иными словами, кредит из расчета 14% годовых могут получить не все вятчане, а те 30-35%, чей среднедушевой доход в семье превышает прожиточный минимум в 1,5 раза (Там же. С. 262). О доходах среднестатистических текстильщиков, швейников и крестьян, едва достигающих прожиточного минимума, уже говорилось; что же касается полуторного коэффициента, то до него не дотягивают медики (1,4), педагоги (1,35), кожевники и обувщики (1,3), занятые в гостиницах и ресторанах (1,3) и работники культуры (1,14) (ПККО на 2007 г. С. 189-190).

Если говорить об общем итоге, то на октябрь 2006 г. на кредиты корпорации 7,5 тыс. кировчан приобрели более 150 тыс. м² жилья (ПККО на 2006 г. С. 265-266). Но нельзя не заметить, что потребности кировчан в жилье гораздо выше: в 2005 г. ветхий жилищный фонд измерялся цифрой в 1,7 млн. м² против 1,4 - в предыдущем году (ПККО на 2007 г. С. 196).

В обзоре главы департамента сельского хозяйства области (по образованию - инженера-механика сельского хозяйства) А.А. Котлячкова «Развитие АПК в Кировской области» (ПККО на 2007 г. С. 229-233) перечислены меры по реализации приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» в 2006-2007 гг. Отрадное впечатление производит запланированная система кредитов, которая распространяется и на личные подсобные хозяйства, которые, как мы уже отметили, дают половину продовольствия области, так и на фермеров, доля которых в стоимости сельхозпродукции в 2005 г. составила около 2% (ПККО на 2007 г. С. 147). Вместе с тем эта форма взаимовыгодной помощи фермерам пока распространена недостаточно широко: к 29 сентября 2006 г. на 937 фермерских хозяйств пришлось только 60 договоров (ПККО на 2007 г. С. 149, 232).

Если же говорить о развитии сельхозпредприятий, то здесь приоритетным направлением выступает животноводство, а «основным механизмом привлечения является - субсидирование процентной ставки в размере 2/3 ставки рефинансирования Банка России по кредитам коммерческих банков на срок до 8 лет на строительство и модернизацию животноводческих комплексов» (Там же. С. 231). Надо полагать, что эта мера не улучшит положения убыточных сельскохозяйственных предприятий, удельный вес которых в 2005 г. составил 41,1% (Там же. С. 175), пока

законодатель не предусмотрит обеспечение займа залогом земли.

Авторы проекта хорошо понимают необходимость закрепления молодых специалистов на селе: это видно по предусмотренной бюджетом 2006 г. сумме ассигнования в 56 млн. рублей, из которых 32 млн. рублей падают на областной бюджет, для улучшения жилищных условий 430 молодых специалистов (с. 233). Но даже при беглом взгляде на возрастную структуру сельского населения очевидно, что такого числа молодых специалистов на 3313 сельхозпредприятий области (ПККО на 2006 г. С. 136) явно недостаточно для решения проблемы трудовых ресурсов аграрного сектора Вятского края, которая в обзоре даже не поставлена. В перспективе желательно публиковать в памятных книжках и сведения о возрастной структуре населения¹⁵.

Судя по обзору «Приоритетный национальный проект «Образование»» (ПККО на 2007 г. С. 234-249), написанному главой департамента образования области А.М. Чуриным (историком по специальности) в соавторстве с начальником отдела информации и информатизации того же департамента О.Е. Никифоровой, в число приоритетов проекта входит поощрение экспериментов, распространение опыта лучших педагогов, проведение конкурсов среди педагогов и учеников, а также подключение всех школ области к Интернету. Последнее немаловажно для выравнивания стартовых условий представителей молодого поколения: судя по вышеприведенной статистике, мало кто из кировчан может позволить себе приобрести домашний компьютер.

Из текста обзора следует, что за пять последних лет в рамках областной целевой программы «Информатизация образования» компьютерами обеспечено 590 общеобразовательных учреждений, 20 учреждений начального профобразования, 15 детских садов, 19 школ-интернатов (Там же. С. 239). Поскольку по этой публикации неясна мера удовлетворенности потребностей в компьютерах педагогических учреждений, приведем сведения из отдела «Статистика». В 2005/06 учебном году в области насчитывалось 845 дневных и 15 вечерних общеобразовательных учреждений (с. 208), 47 учреждений начального профобразования (с. 211), 9 школ-интернатов общего типа и 26 для детей с ограниченными возможностями здоровья, 15 детских домов (с. 203). Учитывая тенденцию к сокращению количества подобных учреждений, надо полагать, что всеобщая компьютеризация образования в Кировской области в указанные сроки вполне реальна.

В обзоре главы департамента здравоохранения А.В. Русаева и директора Кировского областного медицинского информационно-аналитического центра А.В. Кашина «Приоритетный национальный проект „Здоровье“» (ПККО на 2007 г. С. 241-249) обращают на себя внимание приоритеты: повышение квалификации и зарплаты медиков, диспансеризация работающего населения и новорожденных (в целях выявления наследственных болезней), реализация программы «Родовые сертификаты» и обеспечение доступности дорогостоящей медицинской помощи всем гражданам, вне зависимости от их достатка.

С большим интересом читается обзор «Полученная

¹⁵ Они известны по вышеуказанному сборнику «Национальный состав...» (с. 491-495).

информация поистине уникальна (проведение Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года)», составленный экспертом по информационно-разъяснительной работе по подготовке переписи при Кировстате Н.А. Зениной (ПККО на 2007 г. С. 250-272). Это касается и методики сбора информации, включая принципы выборки, и статистики отказов от участия в переписи, иногда - по религиозным соображениям. Впрочем, 277 фанатиков на 247 тыс. хозяйств (с. 261-263) - это немного. Особый же интерес, с учетом роли автора в проведении переписи, представляет его рассказ о методах разъяснительной работы. Это и выступления по радио и телевидению руководителей области, писателя-аграрника В.А. Ситникова, местного владыки Хрисанфа и других авторитетных лиц, и работа пресс-центра при Кировстате. Великолепной рекламной акцией в пользу важного дела, давшей положительный педагогический результат, был конкурс детского рисунка «Перепись в детском изложении», в котором участвовали более 500 кировчан. Этому же мероприятию был посвящен организованный Кировстатом «краеведческий четверг» 11 мая 2006 г. Перепись нашла отражение и в публикуемом в обзоре «Гимне переписчика», и в исполнявшихся ансамблем «Завалинка» по радио и телевидению частушках. Иными словами, обзор интересен как для современных читателей, так и для будущих историков статистики. Будем надеяться, что в ближайших выпусках ПККО материалы переписи будут опубликованы.

Не очень понятны мотивы включения в отдел «Обзоры» статьи В.Н. Шабалина «Бронзовая команда» (ПККО на 2007 г. С. 273-279): здесь речь идет об укоренившемся на Вятской земле в 1920-е годы хоккее с мячом, и прежде всего о возникшей в 1950-е годы команде «Родина». Место ей явно в отделе «История». Попутно заметим, что мы не поняли примечание на с. 279: «Статья подготовлена с участием Кировстата». Никакой статистики в статье нет, а соавторов принято указывать вне зависимости от места службы.

Поскольку в разделе «История» большинство статей связано с юбилейными событиями, уместно охарактеризовать их содержание в хронологии памятных дат.

350-летие Вятской епархии отмечено рядом статей в ПККО на 2005 и 2006 гг. Жизни и деятельности первого вятского епископа посвящена статья научного сотрудника Курчатковского института Н.Е. Завойской «К биографии Александра Вятского» (ПККО на 2005 г. С. 167-179) и предваряющая ее статья зав. кафедрой отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета (ВятГУ) М.С. Судовикова «Несколько слов о людях одной эпохи. Патриарх Никон и Александр Вятский» (Там же. С. 164-166). В статье Завойской привлечены, помимо других источников, материалы иногородних архивов (РГАДА, Государственного архива Архангельской области). Это позволило автору осветить не только деятельность владыки на вятской кафедре, но и его служение в Коломенской и Вологодской епархиях. Это выгодно отличает вышеуказанную публикацию от большинства материалов губернских памятных книжек, основанных почти исключительно на местных материалах.

Вместе с тем в характеристике владыки Александра в

статье Судовикова заметно противоречие, которое не снято и в статье Завойской. Как пишет Судовиков, ссылаясь на патриарха Никона, в 1658 г. вятский архиерей был настолько честолюбив, что считал для себя достойным разве что чин митрополита или патриарха, но отнюдь не вятскую кафедру (ПККО на 2005 г. С. 165). Между тем в 1674 г. Александр не только самовольно, без патриаршего благословения, покинул кафедру (Там же. С. 166), но и принял схиму, что исключало возможность карьеры в церковной иерархии (с. 176). Дело здесь, вероятно, в том, что между упомянутыми датами пролегал раскол Русской православной церкви на продолжателей древней традиции богослужения (старообрядцев) и сторонников преемственности иерархии. Соблюдение обеих традиций, с точки зрения православия, является непереманным условием спасения души, однако во второй половине XVII века в рамках единой церкви это оказалось невозможным и из-за ошибок при исправлении богослужебных книг, и из-за обрядовения на грани магии, и из-за эсхатологических представлений. Отношение епископа Александра к расколу в обеих статьях обозначено предельно ясно: первоначально он проявил себя сторонником старой веры, но в 1666 г. принес покаяние перед собором. Самочинный уход с кафедры может свидетельствовать о неготовности возглавить гонения на прежних единомышленников, чего от него требовало служебное положение. Во всяком случае, о принятых по его инициативе гонениях в духе постановлений Собора 1666-1667 гг. сведений нет. Первые свидетельства о репрессиях против раскольников в Вятском крае, вплоть до костров инквизиции, датируются 1675 г., то есть началом правления владыки Ионы¹⁶.

Деятельности преемника Александра, продолжавшейся до 1699 г., посвящена статья журналиста - члена комиссии по канонизации святых Вятской епархии А.В. Маркелова «Добрый пастырь и усердный богомолец Архиепископ Вятский и Великопермский Иона (Баранов)» (ПККО на 2007 г. С. 335-343), написанная с привлечением материалов Госархива Кировской области. В числе заслуг святителя - каменное культовое зодчество, прежде неизвестное на Вятке, начало которого датируется 10 апреля 1676 г., когда по благословению владыки Ионы в Хлынове начали копать рвы для Троицкого кафедрального собора (с. 337).

Весьма благоприятное впечатление производит публикация заведующего Вятским епархиальным архивом о. Андрея Дудина «Страницы истории Вятской епархии (К 350-летию со дня основания)» (ПККО на 2007 г. С. 306-334), которому в рамках статьи удалось вставить тему монографии без существенных сокращений за счет «острых углов». К числу «острых» сюжетов в свете обыденных представлений о допустимости миссионерской деятельности церкви только на «своей» исторической территории относятся сведения об обращении «инородцев»: «Вятская епархия была оплотом православной миссии среди вотяков, черемис и татар» (ПККО на 2007 г. С. 308). Здесь перечислены народы, предки которых жили на Волге и Вятке задолго до новгородской колонизации. О методах миссионерской пропаганды дает некоторое представление следующий эпизод из истории епархии 1850-х годов: «на берегу реки Немды издавна стоял жертвенник черемисско-

¹⁶ См.: Семибратов В.К. Староверы-федосеевцы Вятского края. М., 2006. С. 82.

му [т. е. марийскому - Д. Л.] божеству Кереметю. Местное духовенство докладывало епархиальному начальству, что многие из марийских сел ходят к этому камню и приносят там жертвоприношения. Владыка распорядился убрать жертвенник. Жертвенник был разрушен, и спустя время этот обычай ушел в прошлое, а камень стал памятником природы» (с. 311)¹⁷. Поскольку человеческие жертвоприношения в Вятском крае никогда не практиковались, этот эпизод вполне сопоставим с разрушением большими Свято-Троицкого и Александро-Невского соборов, о которых говорится в продолжении (с. 324). Тема апостольской деятельности Вятской епархии в среде язычников, мусульман и старообрядцев заслуживает продолжения на страницах ПККО.

Это же касается и обновленческого движения в епархии, что актуально в силу мифологизированного представления об обновленцах как группировке, созданной ГПУ для раскола и последующего уничтожения русского православия. У о. Андрея на этот счет полярно противоположная точка зрения, которую разделяет и автор этих строк: «Консервативно-охранительный курс обер-прокурора К.П. Победоносцева, поддержанный и активно проводимый епископом Филаретом, вызвал недовольство местного духовенства и монастырского [?] крестьянства. Это привело, в свою очередь, к расслоению духовенства по политическим воззрениям и формированию обновленческих идей. Это было начало страшного церковного раскола, терзавшего тело Церкви в начале XX столетия» (с. 316). Жаль, что автор, зажатый рамками публикации в памятной книжке, не смог упомянуть о выходившей в Вятке с 12 апреля 1906 г. по 4 января 1907 г. обновленческой газете «Епархиальные отголоски», о которой стоило бы рассказать читателям в ближайших выпусках ПККО.

Заслуживают внимания биографические сведения о малоизвестном широкому кругу читателей основателе «викторианского разделения», епископе глазовском Викторе (К.А. Островидове), который выступил против декларации митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г., призывавшей к сотрудничеству с советской властью. Эта позиция сближала Сергия как с катакомбной, так и с зарубежной церковью, что и объясняет очередность его канонизации: в 1981 г. - за рубежом и только в 2000 г. - Архиерейским собором в Москве. Жаль, что пропущена дата смерти узника совести - 2 мая 1934 г.: это избавило бы читателя от вопроса об отношении Виктора к патриархии во время войны.

Примечательно, что помимо научной литературы и архивных источников, в статье использованы также справочные сведения о православных церквях епархии в начале XXI века, опубликованные в ПККО на 2004 г. (с. 270-274).

Следующая юбилейная дата отмечена статьей М.С. Судовикова «Во благо российской экономики (К 245-летию со дня рождения вятского negociанта К.А. Анфилатова)» (ПККО на 2006 г. С. 311-315). В статье отмечены заслуги Ксенофонта Александровича в становлении торговых связей между Россией и США и в основании одного из первых в России городских общественных банков в

г. Слободском. К статье приложены документы о праздновании в 1910 г. столетия Анфилатовского банка.

Тому же автору принадлежит статья к 210-й годовщине губернии «Вятская губерния. Год 1796» (Там же. С. 268-270), которая дает представление об уровне развития производительных сил края. Непонятно только, зачем было иллюстрировать статью о Вятской губернии картой образованного в 1780 г. Вятского наместничества, которая к тому же почти не читаема.

«К 170-летию вятской государственной статистики» (ПККО на 2005 г. С. 203-212) опубликована подборка архивных документов (частью - в виде репродукций) 1835-2002 гг. о деятельности Вятского губернского статкомитета и его преемников. Большая часть их связана с организацией переписей. К этой же теме относится и публикация «Бланка 2-й всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. на хозяйство крестьянина деревни Каменная Гора Ирмучамской волости Уржумского уезда Н.П. Деревянникова. 1917» (ПККО на 2007 г. С. 344-347). Польза подобных публикаций несомненна, но без комментариев они не всегда понятны. Это касается, в частности, сообщения ЦСУ от 20 декабря 1918 г. о преобразовании Статотдела Вятского губсовнархоза в Губстатбюро местного губисполкома (ПККО на 2005 г. С. 208). Многим читателям непонятен смысл этой реорганизации, и ничего не говорят имена подписавших сообщение ответственных работников И. Думкина, А. Перфильева и Н. Курбановского.

На следующей странице напечатана репродукция циркулярной телеграммы Ленина о проведении переписей 1920 г., где обращает на себя внимание тон концовки: «Сурово карайте тех, кто препятствует производству переписи, и помните, что Рабоче-крестьянское правительство в первую очередь привлечет вас к ответственности за недостаток энергии в проведении переписи и плохое ее производство». Здесь не мешало бы рассказать читателю о причинах саботажа переписи, связанных с политикой военного коммунизма и красного террора и, во всяком случае, указать первую публикацию - письмо Ленина предсовнаркому Украины Х.Г. Раковскому от 13 сентября 1920 г.¹⁸. Попутно заметим, что в ПККО этот текст ошибочно датирован 13 ноября того же года.

Юбилею старейшей и главной библиотеки в Вятском крае, основанной в 1837 г., посвящены: подборка значительно уменьшенных, а поэтому и плохо читаемых копий источников по ее истории за 1891-1937 гг., озаглавленная «Храм книги (К 170-летию Библиотеки им. А.И. Герцена)» (ПККО на 2007 г. С. 297-298), весьма обстоятельная статья заместителя директора библиотеки Н.П. Гурьяновой «Александр Николаевич Луппов - управляющий делами Вятской публичной библиотеки. 1908-1918» (Там же. С. 299-305) и краткая хронологическая таблица «Из истории Библиотеки им. А.И. Герцена» (Там же. С. 205), в которой, в частности, указана дата присоединения библиотеке имени Герцена - март 1917 г.

В статье Гурьяновой освещена самоотверженная деятельность А.Н. Луппова в должности управляющего делами библиотеки с 1908 по 1918 г., которая была отнюдь не

¹⁷ Сходные методы распространения христианства практиковались и по отношению к удмуртам. См.: Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Ижевск, 1999.

¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. М., 1965. С. 352.

синекурой: приходилось доставать деньги и на ремонт, и на пополнение фондов, и на оплату труда немногочисленных сотрудников. Судя по статье, в числе меценатов были губернское земство, купцы Н.В. Мешков и П.П. Клобуков, крестьянин А.В. Рылов, а также вдова директора губернской мужской гимназии С.А. Нурминского, пожертвовавшая библиотеку покойного мужа из 513 томов. В числе бесспорных достижений Луппова - создание «Местного отдела», включающего, в числе прочих материалов, уникальную коллекцию земских материалов (с. 301-302). К этому надо добавить, что оплата труда управляющего библиотекой не была предусмотрена и действительный статский советник Луппов совмещал эту должность с иными занятиями: «в 1892-1908 гг. занимал разные административно-судебные должности в Уржуме, Нолинском уезде (с. Ухтым), Глазове, Вятке» (Там же. С. 299). Поскольку сведения об этих занятиях весьма кратки, мы перечислим их по состоянию на конец 1915 г., по «Адрес-календарю Вятской губернии»: член губернского присутствия по судебной части, член юридической комиссии Вятской городской думы, заведующий делопроизводством губернского комитета попечительства о народной трезвости, товарищ председателя Братства вспомоществования учащимся при Софийской церкви Вятского духовного училища (где Луппов получил начальное образование), заведующий делопроизводством местного управления Российского общества Красного Креста, член Вятского губернского попечительного о раненых и больных воинах комитета, член аналогичного комитета Всероссийского союза городов и губернского совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу в Вятской губернии¹⁹. Надо полагать, что к моменту ухода Луппова из библиотеки все эти должности канули в Лету, а поэтому трудно понять, что имеет в виду автор, когда пишет: «Новые условия требовали от руководителя библиотеки полной отдачи, а Луппов, связанный своей непосредственной службой [где?], не мог себе этого позволить, как ни привязан был к Библиотеке. В конце октября 1918 г. он покинул Библиотеку» (с. 304).

Биография Луппова представляет интерес не только в связи с историей Вятской публичной библиотеки, но и как часть истории рода Лупповых, подарившего России двух известнейших историков: младшего брата управляющего делами библиотеки, исследователя Вятского края Павла Николаевича, и племянника - петербурговед и книговеда Сергея Павловича. Надо полагать, история этого рода еще получит освещение на страницах ПККО, как это сделано по отношению к роду Чайковских.

В связи со 165-летием со дня рождения П.И. Чайковского и юбилейными датами, связанными с его дедом Петром Федоровичем (260-летие со дня рождения, 210-летие вступления в должность г. Слободской, 125-летие со дня смерти), опубликована статья журналиста и краеведа Т.К. Николаевой «Талантливая династия Чайковских на Вятской земле» (ПККО на 2005 г. С. 180-186).

О детстве гениального композитора в Воткинском заводе в статье довольно мало сведений, хотя автор и не обошел вниманием влияние на его музыкальное воспитание семейного окружения, местной интеллигенции и кре-

стьян русского и удмуртского происхождения (Там же. С. 180). В число семейных традиций, очевидно, входила и память о полтавском происхождении деда композитора, которая вполне могла повлиять на выбор сюжетов для опер «Кузнец Вакула» (во второй редакции - «Черевички») и «Мазепа». Сведения о П.Ф. Чайковском, основанные на источниках из Государственного архива Кировской области, нетривиальны: редко приходится читать о военном лекаре, который в должности городничего делал бы прививки от оспы крестьянским детям (с. 185).

140-летняя годовщина введения земских учреждений отмечена статьей старшего преподавателя ВятГГУ В.А. Меркушева «Вятское земство: первые шаги и некоторые аспекты деятельности (К 140-летию со времени открытия)» (ПККО на 2007 г. С. 289-296), в которой отмечено преобладание крестьян среди гласных во всех уездах, кроме Малмыжского и Сарапульского, где были сильны позиции помещиков. В статье отражены такие приоритеты, как организация медицинской и агротехнической помощи населению, развитие сети общих и сельскохозяйственных учебных заведений. Вместе с тем не все положения статьи достаточно аргументированы. Приведем ее окончание: «Деятельность вятского земства по развитию агрокультуры крестьянских хозяйств, несмотря на отдельные недостатки, была успешной и подавала пример остальным земствам России. Если в 1872 году расходы губернского земства на развитие сельского хозяйства составили всего 5000 рублей (1,9% всех земских расходов), то в 1914 году на эти же цели было выделено 485233 рубля (15,3%)» (Там же. С. 294). Современное поколение читателей хорошо помнит, как в советские времена в почву Нечерноземья закапывались не тысячи, а миллиарды рублей, в то время как нашим согражданам приходилось есть хлеб, выращенный в Канаде. Здесь стоило бы привести данные государственной и земской статистики об урожайности хлебов и продуктивности скота за полвека деятельности земских учреждений, которые убедили бы читателя в их благотворном воздействии на производительные силы края. В этом отношении для исследователя были бы полезны статистические сведения о состоянии производительных сил в сельском хозяйстве, постоянно публиковавшиеся в памятных книжках. Среди сюжетов, которые заслуживают отдельной статьи, - драматическая история книжного склада вятского земства.

К 100-летию Русско-японской войны 1904-1905 гг. главным библиографом Кировской областной научной библиотеки А.А. Марковым подготовлена публикация «Вятская губерния в годы Русско-японской войны» (ПККО на 2005 г. С. 194-205) - подборка фактов, связанных с участием вятчан в войне и заимствованных из «Хроники общественной жизни города Вятки и Вятской губернии» (ПКВГ на 1905 г. Вятка, 1905. С. 133-164 1-й паг.; ПКВГ на 1906 г. Вятка, 1906. С. 78-98).

100-летие первой русской революции отмечено статьей декана истфака ВятГГУ Ю.А. Балыбердина «1905 год в Вятской губернии» (ПККО на 2005 г. С. 187-193 1-й паг.). В этой весьма информативной статье, основанной на публикациях и документах Государственного архива Кировской области, нашли отражение влияние социал-демо-

¹⁹ См.: Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1916 год. Вятка, 1916. С. 5, 10, 25, 35, 69, 72-74, 90 3-й паг.

кратов на рабочее движение, эсеров - на крестьянское и деятельность местных либералов в связи с манифестом 17 октября. Напомнить об этой важной дате вятским читателям, безусловно, следовало, однако хотелось бы внести некоторые уточнения. В статье говорится о репрессиях властей против одной из лучших в России провинциальных газет - «Вятская жизнь», однако фамилии ее сотрудников названы без инициалов, хотя некоторые из них устанавливаются без всякого труда: Гурьева звали Александром Александровичем, Голубева - Петром Александровичем, Владиславлева - Иосифом Андреевичем, Яринского - Григорием Ивановичем²⁰. Здесь же стоило упомянуть о преследовании этой газеты и после переименования в «Вятский край».

Хронология крестьянского движения в губернии начинается с утверждения: «В Вятской губернии местные организации “Крестьянского союза” стали создаваться в октябре-ноябре 1905 г. - несколько позднее, чем в центральных губерниях, их организаторами, как установила Е.И. Кирюхина²¹, были члены партии эсеров, которые широко развернули работу в деревне и имели большое влияние во всех отделах союза» (Там же. С. 189). Между тем, судя по объявлению вятского губернатора, опубликованному в газете «Вятский вестник» за № 159 от 23 июля 1905 г., к этому времени в Ильинской волости Слободского уезда сложилось общество, «именуемое “социалистами” или “политиками”, состоящее из крестьян и городских. Члены этого общества требуют, чтобы крестьяне примкнули к ним»²². Подробности об этом обществе опубликованы в сообщении Главного управления по делам печати в газете «Правительственный вестник» (1905. № 213): «Под влиянием тайной революционной пропаганды в деревне Лукинской, Ильинской волости, образовалось тайное общество, поставившее целью ниспровергнуть существующий государственный и общественный строй в нашем отечестве. Оно расширилось особенно в 1904 и 1905 годах с присоединением к нему членов из других сельских обществ. Руководителями и главными деятелями в нем были председатель и члены Лукинского сельскохозяйственного общества. Само оно именовалось местным отделением социал-революционной российской партии. Местные крестьяне называли членов этого общества социалистами и политиками»²³. Иными словами, пропагандистская работа эсеров среди вятских крестьян началась задолго до основания Всероссийского крестьянского союза 1 августа 1905 г.

Автор уделит внимание и митингам и демонстрациям после получения манифеста 17 октября, которые 22 октября вылились в погром в губернском городе. По его мнению, в числе «основных причин, вызвавших погром, безусловно, были митинги и демонстрации левых сил, ко-

торые будоражили город на протяжении трех дней, что признавали и сами революционеры. „Сам по себе погром явился как бы ответом на манифестации либерально настроенных обывателей и учащейся молодежи по поводу царского манифеста 17 октября“» (ПККО на 2005 г. С. 192-193). С этим выводом можно согласиться, однако с оговоркой: политическая культура как правых, так и левых экстремистов допускает применение грубого насилия в ответ на любое проявление инакомыслия; между тем ни в статье Ю.А. Балыбердина, ни в иных источниках мы не встретили свидетельств о насильственных действиях со стороны либералов накануне погрома 22 октября. Судя по свидетельству современника, основанному на материалах прессы, на нагнетание погромной атмосферы повлиял безосновательный слух об осквернении икон и повреждении царского портрета в здании губернской земской управы во время митинга 19 октября, организованного социалистами²⁴. В статье отмечено количество человеческих жертв - шесть убитых, но нет сведений об их социальном составе, который понятен по перечню в губернской памятной книжке: городской судья второго участка А.Н. Коробов, мещанин г. Сморгони Еля Ис. Брудный, сын земского архитектора гимназист С.Л. Ясинский, сын священника аптекарский ученик Н.А. Катаев, сын судебного пристава ученик-реалист Н.А. Палкин, вятский мещанин И.А. Лугинин²⁵.

Автору удалось разыскать документы о спасении жандармским подполковником Масалитиновым от озверелой толпы дочери коллежского секретаря девицы Александры Васильевны Греховой (ПККО на 2005 г. С. 192). Думается, что следовало бы назвать имя подполковника - Александр Иванович - и его должность, из названия которой (начальник Вятского отделения Пермского жандармского полицейского управления железных дорог) следует, что ответственность за порядок в городе лежала не на Масалитинове, а на его коллеге - начальнике губернского жандармского управления полковнике П.Ф. Александрове²⁶.

О последующих событиях в Вятском крае говорит составленная А.А. Марковым подборка «Первая русская революция 1905-1907 гг. в Вятской губернии (составлена по „Хронике общественной жизни города Вятки из «Памятных книжек Вятской губернии на 1907 и 1908 гг.»»» (ПККО на 2006 г. С. 271-283; ПККО на 2007 г. С. 348-357). Заглавие публикации несколько уже содержания: здесь отражены и факты из области экономики культуры и других сфер деятельности, не имеющих прямого отношения к революционному движению.

События 1917 г. нашли отражение в статье д-ра ист. наук, профессора В.И. Бакулина «1917 год в Вятской губернии (К 90-летию двух революций)» (ПККО на 2007 г. С. 282-288). Полагаем, что для широких кругов читателей,

²⁰ См.: Библиография периодических изданий России, 1901-1916. Т. 1. Л., 1958. С. 364, 366.

²¹ В статье: Кирюхина Е.И. Местные организации Всероссийского крестьянского союза в 1905 году // Учен. зап. Кирова. пед. ин-та. Киров, 1956. С. 94.

²² Хроника общественной жизни города Вятки и Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1906 год. Вятка, 1906. С. 90. 2-й паг.

²³ Там же. С. 91 2-й паг.

²⁴ См.: Мултановский Я. Калейдоскоп // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1906 год. Вятка, 1906. С. 126-127 2-й паг.

²⁵ См.: Там же. С. 128 2-й паг.

²⁶ См.: Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1906 год. Вятка, 1906. С. 7 3-й паг.

воспитанных на советских учебниках, будет полезно узнать, что подразверстка - отнюдь не выдумка большевиков: она была введена в условиях войны еще в царское время, и ее объем значительно вырос в период правления Временного правительства. Это было одной из основных причин отсутствия массовой поддержки Временного правительства среди крестьянства, составлявшего большинство населения Вятского края. Представляют интерес и сведения о правительственных карательных отрядах - аналогах будущих красных продотрядов, которые при попытках реквизиции продовольствия нередко терпели поражения от крестьян. При чтении этих фрагментов (с. 282-284) становится очевидным, что большевики учли опыт предшественников; их продотряды в значительной степени состояли из лиц, чуждых по происхождению местному крестьянству. В отличие от предшественников, большевики часть конфискованного хлеба распределяли среди деревенской бедноты, что подрывало солидарность крестьянского мира. Из концовки статьи понятно, что о «триумфальном шествии советской власти» в Вятской губернии в 1917 г. говорить трудно, так как относительно мирная смена власти произошла только в Малмыжском, Нолинском и Уржумском уездах. В губернском же центре: городах Орлов, Слободской, Котельнич, Сарапульском и Яранском уездах Советы утвердились при помощи вооруженной силы: местных красногвардейцев и отрядов, присланных из Петрограда и Кронштадта (с. 287). Это и неудивительно: на выборах в Учредительное собрание большевиков поддержало меньшинство вятских избирателей - 22% (с. 286).

В статье канд. ист. наук С.И. Козловских «К вопросу о формировании частей РККА на территории Вятской губернии в первой половине 1918 г.» (ПККО на 2006 г. С. 333-339) показана роль в формировании красных частей как народных социалистических дружин - добровольцев-солдат, несших гарнизонную службу в Вятской губернии, так и отрядов Красной гвардии, которые рассматривались как резерв Красной армии. Не обойдена вниманием и проблема снабжения первых красноармейских частей, в решении которой участвовали сельские и волостные комбеды. Часть средств изымалась у имущих слоев населения в виде контрибуции.

В статье заметна некоторая недоговоренность. По словам автора, «сформированные роты отказывались подчиняться приказам военного комиссариата, который был вынужден провести „чистку“ подразделений путем увольнения из рядов армии „неблагонадежного элемента“». В итоге из четырех рот, сформированных в Вятке к 21 апреля 1918 г. в составе 732 добровольцев, было уволено 182 человека, т. е. почти 25%». И далее: «армейское командование вынуждено было определенную часть хорошо вооруженных воинских подразделений использовать не на фронтах, а для решения внутренних „проблем“» (с. 337). Из статьи неясно, какие части Красной армии использовались на фронтах, а какие - для реквизиций у местных крестьян. Хочется надеяться, что этот вопрос получит освещение в последующих выпусках ПККО. Это же касается и участия офицеров старой армии в формировании красных частей, и роли Вятской губернии в антибольшевистском движении. Последний сюжет можно было бы осветить хотя бы на примере Ижевской дивизии, сформированной из восставших рабочих Сарапульского уезда.

Последующим юбилейным датам Кировской области посвящено две публикации, и обе не вполне удачны с точки зрения читательского назначения. Первая из них - «План хозяйственного и социально-культурного строительства Кировской области на 1937 г.» (ПККО на 2006 г. С. 284-310) - приурочена к 70-летию области и представляет собой перепечатки материалов к пленуму облисполкома (1937 г.), состоящую из краткого вступления (с. 284-289) и статистических таблиц. О мере информативности вступления 70-летней давности дает представление следующая выдержка: «Крупный рост и развертывание хозяйственных и социально-культурных отраслей области за последние два года, необходимость скорейшего преодоления узких мест, широко развернувшееся стахановское движение, решительная борьба и разгром контрреволюционных троцкистско-зиновьевских банд и правых отщепенцев, Сталинская Конституция, открывающая огромные возможности дальнейшему подъему творческой самодеятельности масс, определяют задачи, которые должны быть включены в план хозяйственного и социально-культурного строительства области на 1937 год» (с. 285). Чем на самом деле определялись плановые показатели, насколько они были реальны, в какой мере выполнены и на кого возложена ответственность за невыполнение - остается только гадать, так как перепечатка не комментирована. Это же касается и значений таких плановых показателей, как гралекс, весы «Фалько», бегуны (с. 295-296) и т. д.

Краткое вступление к статистической таблице «К 60-летию победы в Великой Отечественной войне» (ПККО на 2005 г. С. 201-202) не вполне убедительно. Содержание и обоснование вывода о том, что «в те годы наша область не только выстояла, но и внесла ощутимый вклад в дело Великой победы» (с. 201), надо искать не в этой публикации, а совсем в других источниках. Дело в том, что в таблицах «Производство основных видов продукции» за 1940 и 1945 гг. и «Сдача сельхозпродуктов государству» за 1941 и 1945 гг. учтены не танки и самолеты, а продукция сугубо мирного или двойного назначения. В результате читатель вынужден становиться на скользкий путь логической реконструкции. Это касается, в частности, соотношения следующих показателей: с 1941 по 1945 г. сдача государству мяса возросла на 8,3%, в то время как аналогичный показатель по молоку в 1945 г. составил 54% от уровня 1941 г., а по селу - 55,2%. Это может свидетельствовать о том, что часть дойного стада была пущена под нож на мясо для фронта и работников военных предприятий. Резкий рост производства хлопчатобумажных тканей (в 34,7 раза) может быть связан с нуждами экипировки армии; это же касается и продукции, которую в 1943 г. начал выпускать Кировский шинный завод, однако об этом прямо в публикации не сказано. Более красноречивы показатели, касающиеся уровня жизни населения: в 1945 г. по сравнению с довоенным 1940 г. производство льняных тканей составило 22%, шерстяных - 16, бельевого трикотажа - 3,6, животного масла - 49,5, растительного - 17,4, муки - 61,1%. С учетом мобилизации большинства мужчин трудоспособного возраста и значительной части сельхозтехники поражает 14%-ный рост заготовок зерна за время войны. Хотелось бы, чтобы о цене этого хлеба рассказали читателям ПККО подростки военного времени, работавшие на вятских полях в годы войны.

Помимо статей, посвященных юбилеям значимых для Вятского края событий, в отдел «История» входят и юбилейные биографии, о чем свидетельствует подборка «Провинциальная интеллигенция. Портреты» (ПККО на 2006 г. С. 316-332). Ее открывает статья старшего преподавателя Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института А.В. Сергеева «Савватий Иванович Сычугов (К 165-летию со дня рождения)» (Там же. С. 316-319) о вятском враче - подвижнике, общественном деятеле и сотруднике целого ряда медицинских повременных изданий и журнала «Вестник Европы». Вообще, статья дает представление об особенностях личности этого представителя интеллектуальной элиты Вятского края, но одна деталь остается неясной: «Со временем по отношению к нему обнаружилась недоброжелательность начальства. Причины крылись в публикациях земского врача в столичной печати. Некоторые из них переиздал в „Вятской незабудке“ Ф.Ф. Павленков. Подписей в перепечатке статей не было, но автора [в то время - врача в с. Великорецком, Орловского уезда - Д. Л.] разгадали» (с. 316-317). Полагаем, что здесь не следовало ограничиваться ссылкой на труды Е.Д. Петряева, ставшие библиографической редкостью; надо было назвать и процитировать написанные Сычуговым фрагменты «Вятской незабудки», вызвавшие недовольство вятской администрации.

Юбилею вятчан - участников народнического кружка «чайковцев» посвящена статья «Николай Аполлонович и Анна Дмитриевна Чарушины (К 155-летию со дня рождения)» (с. 320-327), представляющая собой изложение содержания книги того же автора - канд. ист. наук В.А. Сергеева «Николай Аполлонович Чарушин: народник, общественный деятель, издатель, краевед» [Вятка (Киров), 2001] и его статьи «Анна Дмитриевна Кувшинская» (Женщины российской провинции. Сб. науч. трудов. Вып. I. Ижевск, 1997. С. 61-68). В статье нашли отражение и эпизоды царской каторги и ссылки, и гонения вятской администрации против издаваемых Чарушиным газет. Не жаловала революционера и советская власть, о чем свидетельствуют три его ареста в 1917-1919 гг. (с. 335) и тот факт, что «в 1929 г. в предпраздничном номере „Вятской правды“ за 6 ноября появилась глумливая карикатура на Чарушина: он изображен у разбитого корыта с надписью: „Вятский совет“» (с. 327).

В статье нашла отражение библиографическая деятельность Чарушина в качестве заведующего местным отделом Библиотеки им. А.И. Герцена. По крайней мере, две его рукописные работы - «Каталог литературы о народностях Вятского края» и «Указатель статей и заметок, помещенных в газетах „Вятская жизнь“ и „Вятский край“ (1905-1907)», до сих пор сохраняют справочную ценность и нуждаются в публикации.

Тому же автору принадлежит и статья о младшем брате Н.А. Чарушина, придерживавшемся консервативных убеждений: «Аркадий Аполлонович Чарушин (К 150-летию со дня рождения)» (Там же. С. 328-330). В статье есть сведения о службе А.А. Чарушина в Переселенческом управлении МВД и Департаменте государственных земельных имуществ, но основное внимание уделено литературным работам: книгам по крестьянскому вопросу и неопубликованному при жизни автора рассказу «Братья Уржумовы». Рассказ является крайне интересным источ-

ником как о семье Чарушиных, так и о кружке «чайковцев».

В статье журналиста, краеведа и старшего преподавателя Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института В.К. Семибратова «Михаил Николаевич Решетников (К 130-летию со дня рождения)» (с. 330-332) освещены педагогическая, литературная и административная деятельность уроженца Малмыжского уезда, кандидата богословия и преподавателя духовных учебных заведений г. Вятки. В статье отмечена роль Решетникова в учреждении Вятской ученой архивной комиссии, назван ряд его публикаций в местных епархиальных ведомостях и брошюра «Сводные сожителства среди крещеных черемис и вотяков (Опыт характеристики бытовых нравов современного вятского инородца)» (Вятка, 1903). К сожалению, пропущена другая брошюра, дающая представление о политических взглядах автора: «Речь М.Н. Решетникова, произнесенная на собрании Вятского отдела „Союза 17 октября“» (Вятка, тип. Шкляевой, 1907).

Сведения о движении Решетникова по службе изложены недостаточно корректно: «С 1901 по 1907 гг. Михаил Николаевич был преподавателем латинского языка и русской литературы в духовном и женском епархиальном училищах г. Вятки» (с. 331). В женском епархиальном училище латынь никогда не изучалась, и, судя по регулярно печатавшемуся в местной губернской памятной книжке «Адрес-календарю», Решетников там преподавал русский язык (не литературу!), а эпизодически - географию и арифметику. Это совмещалось с его работой в духовном училище как педагога-латиниста. И далее: «Большой (в целом десятилетие) период жизни М.Н. Решетникова связан с его работой в вятском губернском земстве. Придя сюда в 1907 г., он недолгое время занимал должность секретаря губернской земской управы, после чего стал земским начальником в г.г. Слободском, Малмыже и Уржуме, где его, получившего к тому времени личное дворянство, и застали события 1917 г.». Если расставить точки над *i*, то Решетников значится секретарем губернской земской управы в «Адрес-календарях» на 1908 и 1909 гг., временно исполняющим должность земского начальника 7-го участка Уржумского уезда - в 1910 и 1911 гг., земским начальником 2-го участка Слободского уезда - в 1912-1914 гг. и занимающим ту же должность, в чине коллежского советника - в 3-м участке Малмыжского уезда - в 1915-1916 гг. Закон от 12 июля 1889 г. определял земских начальников не как земских деятелей, а как чиновников, назначаемых министром внутренних дел по представлению губернаторов по согласованию с предводителями дворянства и совмещающих административные и судебные функции.

Последующая биография Решетникова, основанная на неопубликованных воспоминаниях его сына, выглядит слишком безоблачной для судьбы земского начальника и октябриста в советское время, и ее следовало бы проверить по иным источникам.

В подборку «Три этюда о художниках» (ПККО на 2006 г. С. 340-342), написанную заведующей Домом-музеем художника Н.Н. Хохрякова Т.В. Малышевой, вошли биографии и родственное окружение живописца и графика Аполлинария Михайловича Васнецова (1856-1933), живописца Николая Ивановича Кострова (1901-1996) и художника книги и писателя Евгения Ивановича Чарушина (1901-1965). Судь-

бы этих мастеров, тесно связанных с Вятским краем, представляют немалый интерес, другое дело, что об особенностях их творчества в публикации почти ничего нет. Подобно другим биографиям в ПККО, статья иллюстрирована фотопортретами; здесь же крайне желательны и репродукции художественных произведений перечисленных художников, по возможности связанные с Вятским краем.

Давая общую оценку отделу «История», приходишь к выводу, что собранные в нем материалы, основанные как на малоизвестных за пределами области публикациях, так и на документах местных архивов, представляют интерес и для читателей иных регионов; в этом отношении они напоминают лучшие образцы памятных книжек Вятской, Виленской, Воронежской и Олонецкой губерний, имевших высокую репутацию.

Заметно, что в отделе преобладают статьи к юбилейным датам, и эта особенность сближает кировские памятные книжки не с вятскими прототипами, а с календарями знаменательных и памятных дат. В результате вне поля зрения кировчан оказались сюжеты по древней истории Вятского края (точной даты появления славян и финно-угров на Вятке никто не знает²⁷), фольклорные, этнографические и археологические материалы, украшавшие памятные книжки Вятской губернии. К сожалению, сейчас археологи не балуют вниманием богатейший культурный слой Кировской области, однако есть и исключение, ускользнувшее от внимания составителя «Хроники событий за I полугодие 2004 года» (ПККО на 2005 г. С. 228-245) и «событий за II полугодие 2004 года» (ПККО на 2006 г. С. 344-364). В 2004 г., в результате охранных раскопок, принятых Научно-промышленным объединением Кировской области, в Монастырской слободке старой Вятки были обнаружены остатки сооружений и предметы быта вятчан XVI-XIX веков, которые могут представлять интерес и для читателей ПККО²⁸.

«Юбилейный» подход к формированию отдела «История» с трудом совмещается с публикацией отсутствующих в ПККО источников личного происхождения (прежде всего мемуаров), которые неизменно привлекают внимание широких кругов читателей. Здесь хотелось бы обратить внимание составителей на недавно изданный каталог мемуаров, хранящихся в архиве общества «Мемориал», включающий 10 текстов о Вятском крае²⁹. На перспективу хотелось бы пожелать, чтобы ссылки на архивные источники были не «глухими», а сопровождались названиями документов; это дало бы представление о многообразии источников по истории края.

События в области со 2-го полугодия 2002 г. по 1-е полугодие 2006 г. нашли отражение в отделе «Хроника событий» (ПККО на 2005 г. С. 214-245; ПККО на 2006 г. С. 344-384; ПККО на 2007 г. С. 360-400), подготовленном сотрудниками краеведческого отдела областной научной библиотеки им. А.И. Герцена. Нужно отметить в каче-

стве позитивного новшества появившиеся начиная с ПККО на 2006 г. ссылки на источники, которые позволяют читателям получить дополнительную информацию о запомнившихся событиях; полезны они и для будущих историков.

Тем же коллективом регулярно составляются и календари знаменательных и памятных дат на титульный год памятной книжки (ПККО на 2005 г. С. 246-262; ПККО на 2006 г. С. 386-409; ПККО на 2007 г. С. 402-426), в которых нет никаких ссылок на источники. Это - единственный раздел ПККО, который вряд ли заинтересует широкие круги читателей; скорее, он полезен средствам массовых коммуникаций для подготовки юбилейных передач или администрации как «памятка» для поздравлений.

Единственным стабильным элементом содержания отдела «Справочные сведения» являются ежегодные списки изданий местного территориального органа государственной статистики, учтенных за 2003-2005 гг. (ПККО на 2005 г. С. 277-281; ПККО на 2006 г. С. 439-445; ПККО на 2007 г. С. 445-455). По всем другим показателям содержание обновляется. В ПККО на 2005 г. опубликованы: «Сведения об общественных движениях и региональных отделениях политических партий, зарегистрированных на территории Кировской области» (с. 264-269) с датами регистрации, адресными сведениями и именами руководителей, «Списки государственных и негосударственных средних учебных заведений» (с. 270-273) с указанием адресов и формы обучения³⁰ и «Список музеев Кировской области» (с. 274-276) с адресами. В ПККО на 2006 г. опубликованы «Закон Кировской области об установлении границ муниципальных образований Кировской области и наделении их статусом муниципального района, городского округа, городского поселения, сельского поселения» от 25 ноября 2004 г. (с. 412-435) и «Список санаторно-оздоровительных учреждений» (с. 436-438) с почтовыми и электронными адресами и телефонами; в ПККО на 2007 г. - «Муниципальные библиотеки Кировской области» (с. 428-441) с датами основания, сведениями об объеме фондов, адресами и телефонами, именами руководителей и «Список лицеев и гимназий Кировской области» (с. 442-444). В последующие выпуски ПККО было бы желательно включить списки адресов учреждений социальной защиты с именами руководителей и редакций периодических изданий с краткими сведениями об этих изданиях.

Уровень полиграфического оформления ПККО в целом производит благоприятное впечатление, но это не относится к репродукциям архивных документов и карт, которые приходится читать через лупу: это - бремя историков, а не широких кругов читателей. К тому же «Карта Вятской епархии и губернии» (Вятка, 1868), украшенная малоизвестным рисунком В.М. Васнецова (в то время - студента Академии художеств) «Главные племена, населяющие Вятскую губернию» и приложенная к ПККО на

²⁷ Судя по археологическим источникам, славяне поселились на Средней Вятке в XII-XIII веках (Хан Н.А. Поход ушкуйников 1374 г. и основание города Вятки - Хлынова // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 127-128.

²⁸ См.: Кошелева (Бельченко) Е. Раскопки Монастырской слободки в Кирове (Вятке) // Археологические открытия 2004 года. М., 2005. С. 352-353.

²⁹ См.: Мемуары о политических репрессиях в СССР, хранящиеся в архиве общества «Мемориал»: аннот. кат. Вып. 1. М. 2007. С. 15-16, 67-69, 87-91, 93-94, 138, 147-149, 184-187, 279-281.

³⁰ Аналогичные сведения о вузах опубликованы в ПККО на 2004 г. (с. 267-269).

2007 г., перепечатана с дефектного экземпляра, где часть территории представлена белым пятном. К слову сказать, принцип подбора карт не всегда понятен: если вышеупомянутая карта иллюстрирует юбилейные статьи о Вятской епархии, то «Карта Кировской области на начало 1939 года», приложенная к ПККО на 2006 г., ничего не иллюстрирует: в этой книге (как и в других) нет статей ни о событиях 1939 г., ни о преобразовании Вятской губернии в Кировскую область. Здесь стоило бы предпочесть карту области в ее современных границах. Недостатки в полиграфии вполне устранимы: об этом свидетельствует великолепный полиграфический уровень отдела «Реклама» в ПККО на 2004 и 2005 гг., превосходящий аналоги в губернских памятных книжках. К сожалению, в последующих изданиях ПККО этот раздел исчез, чем отчасти и может объясняться падение тиража.

С учетом читательского интереса было бы полезно дополнить традиционную структуру губернской памятной книжки критико-библиографическим отделом.

Все высказанные замечания и пожелания отнюдь не противоречат тому факту, что опыт издания ПККО доказал применимость сложившейся в Российской империи модели губернской памятной книжки, при некоторой модернизации, и для современной читательской аудитории. Высокая концентрация ценной и актуальной информации об истории и всех сторонах современной жизни Вятского края в сравнительно небольших по объему книжках выделяет эти ежегодники среди множества популярных и справочных изданий о регионе.

Хотелось бы надеяться, что этот опыт, с учетом местных условий, будет использован в других регионах Российской Федерации.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ДЛЯ РЕГИОНОВ

Ю.А. Француз, канд. экон. наук,

Санкт-Петербургский государственный университет

В самый разгар дискуссии о демографическом будущем России в издательстве «Питер» вышла книга известного демографа, профессора М.А. Клупта «Демография регионов Земли»¹, уникальная по широте охвата - географии рассматриваемых регионов, обилию исторических срезов, анализируемых культурных традиций и институциональных «установлений», представленных теоретико-методологических ориентаций и объяснительных моделей. Описываемые автором эпистемологические подходы и междисциплинарные теории органично вписаны в ткань демографического анализа регионов Земли.

Нечасто бывает, что в дисциплине, где доминируют публикации с «узким» приложением статистического анализа (так называемая «формальная демография»), ученые выходят на уровень широких объяснительных моделей. Но еще реже случаи, когда демографы выходят за рамки своей дисциплины, предпринимая анализ сущности тех глобальных изменений, которые связаны с динамикой демографических процессов.

В монографии М.А. Клупта широко и всесторонне анализируются такие прямо или косвенно связанные с демографической динамикой глобальные феномены, как постмодернизм, цикличность либеральных и консервативных волн, логика развития и сменяемости политических режимов и общие контуры цивилизационных изменений.

Наряду с широким применением формальных методов статистического анализа, автору удалось, на наш взгляд, донести до читателя «дыхание живой жизни» разных стран и регионов. Идущие в 1968 г. на баррикады французские студенты, латиноамериканские «гаучос» и «льянерос» с психологией, пограничной между цивилизацией и необузданной природой, пасторальные североамериканские кон-

серваторы, обвиняющие кандидата в президенты Дж. Керри в «офранцузивании», матриархат в индийском штате Керала - таковы лишь некоторые из наиболее запоминающихся картинок и зарисовок монографии. Они запечатлеваются в памяти читателя не в последнюю очередь благодаря сочному и точному языку автора. Среди наиболее понравившихся литературных оборотов - «латиноамериканские краски в демографической картине мира» и «скромное обаяние советских социальных пособий».

Связующей нитью описания динамики населения регионов Земли является предложенная автором иерархическая теоретико-методологическая модель анализа. В основе этой модели лежит метод, именуемый идиографическим. Противопоставляемый доминирующему в демографическом анализе номотетическому (обобщающему) методу, формулирующему общие законы, идиографический подход нацелен на «связное описание отдельных феноменов, или, как принято теперь говорить, «кейсов»» (с. 105). Собственно, рассматриваемая монография - это и есть собрание «кейсов» различных регионов Земли, скомпонованных по признакам однородности и неповторимости паттернов демографической динамики.

Следующим звеном модели является выбранная автором теория, наиболее пригодная для объяснения специфики каждого «кейса». Это - теория «среднего уровня», институционализм. Автор подробно останавливается на основных позициях этой теории, в частности на концептах институциональной структуры и институциональной матрицы. И затем приводит общую схему того, каким образом такие структуры играют роль промежуточного звена между недемографическими (экономическими, технологическими, природными и др.) и демографическими про-

¹ Клупт М.А. Демография регионов Земли. - СПб: Питер, 2008. - 347 с.

цессами. Представляется достаточно убедительной предложенная автором схема, в которой институциональная структура является своего рода фильтром или призмой, сквозь которую недемографические воздействия преломляются, обуславливая различное (в зависимости от типа структуры) влияние на демографические процессы.

Приводимый М.А. Клуптом обширный набор региональных демографических «кейсов» убеждает нас в том, что, пожалуй, ни одна из существующих демографических теорий не способна так всеобъемлюще объяснить меж- и внутрирегиональные различия в демографическом поведении и динамике, как институционализм. Анализ каждого «кейса» включает творчески осмысленное использование статистических данных.

Воздействие институциональных структур на демографическое поведение и его различия исключительно удачно показано, в частности, на примерах динамики процессов рождаемости и смертности в странах Латинской Америки, внутриевропейских различий в тех же процессах, а также в тенденциях и направлениях миграции, «обратного эпидемиологического перехода» в странах Африки южнее Сахары и особенностей современной динамики населения США.

Однако есть один «кейс», который, на наш взгляд, мог бы быть более детально интерпретирован. Он касается демографической динамики в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Автор подробно анализирует два компонента демографической ситуации в регионе - продолжительность жизни и рождаемость, однако за рамками анализа остались следующие вопросы: во-первых, почему снижение продолжительности жизни в большинстве стран региона было обращено вспять, в то время как рождаемость так и осталась на сверхнизком уровне; во-вторых, почему различия в институциональных структурах разных стран ЦВЕ обусловили перелом в тенденции падения продолжительности жизни, но не оказали воздействия на дифференциацию показателей рождаемости (она гомогенна в странах региона)?

Особо следует остановиться на критике автором теории демографического перехода (ТДП). Проходящий через монографию сквозной рефрен «ТДП не сумела, ТДП не учла» и т. д. отсылает к ремарке героя Вячеслава Тихонова из фильма «Доживем до понедельника»: читая перечень критических замечаний в адрес теории перехода, можно подумать, что в демографии «орудовала компания двоечников».

Как известно, возникшая в XIX веке теория демографического перехода предложила объяснение происходящего в течение длительного исторического периода изменения в режимах воспроизводства населения - от высоких смертностей и рождаемостей соответственно к низким показателям этих процессов. Представленная в отечественном дискурсе А.Г. Вишневским версия ТДП включала также элементы теории систем с акцентом на стремление последних к достижению равновесного состояния. В соответствии с этим сокращение рождаемостей объяснялось стремлением демографической системы к достижению нового равновесия, поставленного под угрозу резким сокращением смертностей в результате достижений медицины. ТДП постулирует универсальность закономерностей демографической динамики - как временной, так и географической, по

мере осуществления в странах модернизации.

Попытаемся кратко оценить степень правоты автора по основным пунктам его обвинений в адрес ТДП. В целом ряде «кейсов», например в анализируемых отличиях рождаемости в западно- и североευропейских странах от южноевропейских после завершения демографического перехода, а также в разнице показателей этого процесса между европейскими странами и США, автор справедливо отмечает отсутствие в ТДП указания на возможность этих бифуркаций. Однако отмеченные различия вполне вписываются в общее положение ТДП об установлении низкой рождаемости после завершения перехода. Заметим, что даже в стране с наиболее высокой рождаемостью из рассматриваемой группы - Соединенных Штатах, суммарный коэффициент рождаемости колеблется около показателя 2,1; причем близкие к нему значения характерны для каждой из трех самых больших этнических групп населения страны - белых, «латинос» и афроамериканцев. В этом смысле можно говорить о том, что анализ институциональных различий, обуславливающих бифуркации рождаемости (при их несомненной существенности для различий траекторий последующего демографического развития), обогащает ТДП, но никак не противоречит или опровергает ее базовые положения.

Совершенно другая «линия критики» прослеживается в отношении существенной составной части ТДП - эпидемиологического перехода. Будучи ответвлением теории модернизации, ТДП прогнозировала снижение смертности от эпидемиологических заболеваний по мере роста неизбежно происходящего технологического прогресса. К тому же основные причины смертности для развитых стран, согласно теории, отличаются от существующих в «традиционных обществах»: главными «убийцами» в современных обществах являются заболевания сердечно-сосудистой системы и онкологические.

Автор монографии убедительно демонстрирует не соответствующую этому прогнозу картину смертности в Африке южнее Сахары. Возвращение старых и появление новых пандемий при неспособности даже минимально противостоять им в регионе в силу «местной специфики» явно противоречит двум из основных постулатов ТДП - стадильности и однонаправленности динамики процессов. Отсюда происходят попытки переформулировать основные постулаты эпидемиологического перехода, о которых упоминает в этой связи М.А. Клупт - изменение количества таких переходов (до трех), введение нового количества (пяти) фаз этого перехода, с возвратом старых и появлением новых болезней на последней фазе, допущение возможности одновременного нахождения страны на двух стадиях перехода и т. д. (с. 260-261). (К слову, последняя версия как нельзя лучше подходит к иллюстрации современной России, где высокий уровень заболеваемости онкологическими и сердечно-сосудистыми болезнями сосуществует с возвратом старой эпидемии - туберкулеза и распространением новой - СПИДа).

Отдельным случаем является, на наш взгляд, критика интерпретаций ТДП. В монографии часто встречается полемика с произвольными интерпретациями ТДП. Понятен пафос автора, направленный против догматизма, схема-

тизма и «нечувствительности» к не укладывающимся в канонические объяснения эмпирическим данным. Однако во многих случаях критикуемые трактовки, как и в вышеприведенном примере, не вытекают из ТДП в ее «правильном прочтении». М.А. Клупт в этом смысле не отделяет «зерна» от «плевел», отождествляя справедливо критикуемые им интерпретации ТДП с органично присущими последней несовершенствами.

Автор между тем приводит один блестящий пример, касающийся одновременно и интерпретации, и существа одного из постулатов ТДП. Речь идет об объяснении некоторыми российскими авторами сверхнизкой рождаемости в Италии и Испании тем, что это - страны «запаздывающей модернизации». М.А. Клупт справедливо отмечает, что в таком случае рождаемость в этих странах должна быть выше, чем в других европейских странах, давно завершивших модернизацию. Помимо указанной неверной трактовки ТДП, автор указывает и на несоответствие демографической ситуации в Италии и Испании если не букве, то духу теории перехода. Действительно, в соответствии с положениями ТДП, страны с «запаздывающей модернизацией» должны были бы развиваться по «ирландскому варианту», с постепенно снижающейся, но все еще достаточно высокой рождаемостью. Как известно, в Италии и Испании этого не произошло.

Перечень приводимых примеров (а он далеко не полон), критика ТДП в монографии касаются самых разных аспектов теории, разных по характеру и степени ответственности критикуемых положений. В одних случаях речь идет о дополнении общих положений ТДП (правильность которых не оспаривается) более детализированным - применительно к каждому региону - анализом, в других - о невозможности применения ряда положений ТДП в определенных регионах и/или в определенные периоды времени. В третьих случаях критике подвергаются базовые положения теории. Наконец, особая история - анализ неверных или неточных интерпретаций ТДП.

К сожалению, предпринимая фронтальную атаку на теорию демографического перехода, автор монографии не классифицировал и не разграничил эти «линии критики». Тем не менее необходимо отметить, что автор следовал традиции развития социальных теорий. В соответствии с ней, сначала выдвигается научная парадигма, потом предлагается одна или несколько альтернативных парадигм на основе критики первой, и лишь затем делаются попытки поиска «рациональных зерен» каждой из них с целью возможной интеграции. Таким образом, следует поставить М.А. Клупту в заслугу то, что он выполнил важную задачу в развитии демографической теории - предложил новую научную парадигму в отечественном демографическом дискурсе. Остается пожелать, чтобы следующий автор (или тот же, уже в другом труде) продолжил развитие теоретической демографии, обосновав контуры возможной интеграции состоятельных компонентов различных научных парадигм.

Естественно, особое внимание читателей привлекут страницы монографии, посвященные демографическим проблемам России. Автор обращается к анализу основных демографических процессов в стране: продолжительности жизни, рождаемости, внутренней и внешней миграции, а также к вопросу необходимости проведения научно

обоснованной демографической политики.

В демографическом сообществе идут бурные дискуссии по поводу причин снижения как продолжительности жизни, так и рождаемости в России в конце XX - начале XXI века. По поводу первого феномена существуют две основные точки зрения. В соответствии с первой, причиной снижения продолжительности жизни являются многочисленные последствия проведения реформ 1990-х годов (снижение уровня жизни, стрессы, кризис системы здравоохранения и т. д.). Согласно второй - проблема стала обозначаться еще в доперестроечные годы и резко обострилась из-за «отсроченной» смертности тех, кого на какое-то время спасла проведенная в конце 1980-х годов антиалкогольная кампания. М.А. Клупт в целом, скорее, стоит на позиции отстаивающих первую точку зрения, однако привносит в нее множество новых и интересных штрихов. В контексте отстаиваемого в монографии институционального подхода автор отмечает, что наряду с непосредственным влиянием событий 1990-х годов, определенный вклад в ломку смыслообразующих функций внесли и более долгосрочные тенденции, в частности разрушение дореволюционных культур (деревенской, дворянской и интеллигентской).

Аналогичные разногласия среди демографов существуют и по поводу причин установившейся в стране низкой рождаемости. Согласно одной точке зрения, главной причиной последней стали издержки трансформационного кризиса 1990-х годов. Согласно второй, низкая рождаемость в России - следствие глобальных изменений, затронувших и остальные развитые страны. Среди них - начавшийся в стране второй демографический переход, уже происшедший в Западной Европе. Основными компонентами этого перехода являются длительное проживание в гражданских союзах без вступления в брак и откладывание рождения детей на более поздний возраст.

Позиция автора в этом споре совершенно особая. С одной стороны, М.А. Клупт убедительно обосновывает негативное влияние на рождаемость реформ 1990-х годов. Более того, рассматривает не встречавшиеся ранее в литературе новые аспекты этого влияния, среди них - изменение трудовых отношений. С другой стороны, выделяет сегменты населения (прежде всего, молодежь мегаполисов), у которых снижение рождаемости произошло по тем же причинам, что и в Западной Европе. А именно, из-за откладывания рождения детей в силу ориентации на самореализацию в профессиональной карьере.

Заключительную часть главы об отечественных проблемах народонаселения автор отводит поиску путей выхода из демографического кризиса. По мнению автора, в России, где институты гражданского общества все еще недостаточно развиты, а роль государства в общественной жизни исключительно велика, выход из демографического кризиса требует активной государственной демографической политики.

Подытоживая, выразим уверенность в том, что рецензируемая монография станет заметным событием в отечественной, а в случае перевода на иностранный язык и издания ее за рубежом - и в мировой демографической науке. «Демография регионов Земли» вносит вклад в развитие целого ряда социальных наук - философии, регионалистики, страноведения, социологии, институциональной теории, культурологии, но прежде всего, конечно, демографии.